

Другим примером избирательного родства различных направлений платонизма является странное сочинение «Книга Авиценны о первых и вторых субстанциях» («*Liber Avicennae in primis et secundis substantiis*»), или, более коротко, «О течении сущего» («*De fluxu entis*»). Произведение явно не принадлежит Авиценне, ибо хотя автор компиляции пользовался арабской философией, однако видно, что «лоскуты» из трудов Авиценны грубо пришиты к «лоскутам», вырванным из сочинений св. Августина, Дионисия Ареопагита, Григория Нисского и Иоанна Скота Эриугены. У последнего не-

известный компилятор заимствовал учения о теофаниях, об относительной совечности божественных идей, об их сотворении Богом, о Божьем творении в идеях, о сведении тела к его бестелесным элементам. У Авиценны автор «*De fluxu entis*» взял самое существенное из его космогонии, а именно систему эманации отдельных интеллигенции вместе с душой и телом небесной сферы, происходящей от каждой интеллигенции, начиная с Первого мира и вплоть до подлунного мира и человеческих душ. Эту компиляцию приписывают Гундиссалину; возможно, это дурной Гундиссалин. Можно ли применительно к этому произведению говорить о «латинском авиценнизме»? В той мере, в какой эта формулировка означает, что «*De fluxu entis*» написано под сильным влиянием Авиценны, она верна. Но она же может ввести в заблуждение, когда наводит на мысль, будто автор этого сочинения прямо и просто воспринял учение Авиценны—как «латинский аверроизм» воспримет учение Аверроэса. Компилятор обращается к Авиценне только потому, что сказанное Авиценной дополняет сказанное такими христианами, как Эриугена, Дионисий и св. Августин. Верно, что Бог-Просветитель из «Бесед с самим собой» («*Soliloquis*») Августина оказывается отождествленным с деятельной Интеллигенцией Авиценны, умопостигаемые формы которой приходят к нам извне (*extrinsecus*); но с таким же успехом можно сказать, что верно и обратное. В XIII веке мы не раз встретимся с подчинением ноэти-ки Авиценны ноэтике св. Августина, которое обозначают формулой, полнее учитывающей сложность явления, — «авиценнизированный августинизм».

Но как бы его ни обозначали, факт остается фактом: вначале христианская мысль согнулась под давлением арабской философии. Утонувшее в этом философском контексте библейское учение о сотворении скрылось под цветистой метафизикой «происхождения мира» от Бога. Теперь нелегко узнать, в какой степени это влияние ответ-

- 9136

Глава VII. Греч. и араб. влияния в XIII в. и основание университетов

290

ственно за появление ряда учений уже явно ошибочных, которые возникли тогда в христианской среде. Возможно, в них следует видеть лишь развитие тех возможностей, которые долгое время оставались скрытыми и проявились с помощью решительного применения методов диалектики к проблемам, только что поставленным арабской метафизикой. Мы знаем эти учения лишь по кратким фрагментам или даже, как в случае Амальрика Венского (Амори из Бена), по выписанным из сочинений арабских философов и впоследствии осужденным утверждениям, а также по опровержениям последних. Внутренняя взаимосвязь этих учений от нас ускользает, и мы не в силах представить их себе в оригинальной форме. Однако они слишком характерны для своего времени, чтобы можно было позволить себе их игнорировать.